

УСЛОВИЯ

Джек Вэнс

Торба, полная снов

Торба, полная снов

Джек Холбрук Вэнс

Аннотация
Джек Вэнс. ТОРБА, ПОЛНАЯ СНОВ

Аннотация

Герцог Орбаль, правитель города Квирниф, устраивает выставку, на которой любой желающий может представить найденное или созданное им чудо. Случайный знакомый Кугеля, Иоло, хочет показать герцогу мешок снов — коллекцию великолепнейших концентрированных сновидений. Однако, несправедливо поступив с Кугелем, Иоло вызывает у него желание отомстить обидчику.

Джек Вэнс
ТОРБА, ПОЛНАЯ СНОВ

После Трууна дорога вдруг начала вилять, непринужденно обегая выстроившиеся правильной цепочкой холмы, именуемые Пурпурной Грядкой, то с одной, то с другой стороны, так что путнику приходилось беспрестанно нырять из тусклого багрянца солнечных лучей в стужу черных теней под северными склонами и наоборот. Углядев окрест просевшие могилы и разбросанные подле них сухие ветви траурного черного тиса, учуяв необъяснимые приливы и отливы неведомых запахов, Кугель прибавил шагу и на максимальной скорости без приключений добрался до Тсомбольских болот. Испустив было искренний вздох облегчения, он тут же охарактеризовал грядущие прелести прогулки по местности, в высшей степени сырой и неприветливой, парой выразительных проклятий.

Дорога по-прежнему шла то вкривь, то вкось, извиваясь меж трясинами и озерцами стоячей воды. Иногда, резко повернув назад, она взбегала на полуразрушенные насыпи древних магистралей, но чаще крутилась и вертелась без всяких видимых причин. В довершение ко всему, северный ветер будто сорвался с цепи и принялся раскачивать заросли тростника, сдувать с грязных луж ледяные брызги и опутывать ноги раздраженного

Кугеля его же собственным плащом. Сгорбившись и натянув широкополую шляпу по самые уши, тот побрел на полусогнутых, воспользовавшись единственным в данных обстоятельствах способом уберечься от простуды.

Вскоре ветер очистил небосклон от хмари, и унылый пейзаж предстал перед глазами изумительно выпукло, четко и контрастно до малейшей детали, как в подзорной трубе. Однако Кугель не удовлетворился обзором протяженных перспектив молчаливой древней полуравнины и, задрав голову, тщательно просканировал темно-голубые небеса. Опознав в единственной темной точке далекого пелгрейна, он застыл на месте и продолжал стоять как вкопанный, покуда зловредное создание не растворилось на горизонте, а там зашагал еще резвее прежнего.

К полудню ветер стал капризничать, задувая могучими порывами вперемежку с краткими периодами неестественного спокойствия. Во время интервалов тишины до Кугеля доносились сладкие голоса болотных туманниц, взывающих из-за кочек подобно тоскующим девам: «Кугель, о Кугель!

Отчего ты так спешишь? Приди в мою обитель, расчеши мои изумрудные кудри!» И еще: «Кугель,

о Кугель! Куда ты держишь путь? Возьми меня с собой, поделись радостью и горем!» И потом: «Кугель, милый Кугель! День клонится к вечеру, год идет к концу! Приходи ко мне за кочку утолить свои печали!»

Но тот все прибавлял шагу, не на шутку озабоченный проблемой безопасного ночлега, и, когда солнце затрепетало на топком краешке Тсомбольских болот, набрел на постоялый двор, укрытый сенью пяти угрюмых дубов. Кугель с благодарностью принял любезное предложение заночевать, и хозяин — краснолицый верзила с солидным брюшком и явными симптомами хронического жизнелюбия — подал ему вовсе недурной ужин из тушенного в травах блистуна с камышовым пирогом на закуску и кувшин подогретого желудевого пива отменной крепости.

Пока Кугель насыщался, хозяин завел беседу.

— Судя по одежде, человек ты достойный и не лишенный вкуса, однако ж путешествуешь по болоту на своих двоих. Не видишь ли ты в том вопиющего противоречия?

— Вижу, конечно, вижу, — заверил его Кугель. — Но куда чаще, чем хотелось бы, приходится ощущать себя единственным честным человеком среди мошенников, плутов и негодяев.

А при таком раскладе состояния не сколотишь.

Хозяин задумчиво потеребил подбородок.

— Эти слова нашли в моей душе живейший отклик. Я подумаю над решением твоей проблемы.

Он честно сдержал обещание и наутро, лишь только постоялец покончил с завтраком, представил ему крупную каурую скотинку, щеголявшую могучими задними лапами, широким рылом и кисточкой на хвосте; животное было честь по чести взнуздано, оседлано и готово выступить в поход.

— Самое малое, что следует сделать для тебя в твоем печальном положении, — жизнерадостно провозгласил хозяин, — так это продать сего скакуна за жалкие гроши! Статью он, правда, не блещет, будучи помесью дунджа и фелукхари, зато легок на ногу, охотно поглощает помои и славен непоколебимой лояльностью.

— Все это прекрасно, — заметил Кугель, — и я ценю твой альтруизм. Однако же для столь несуразного создания любая цена чересчур высока! Не забудь учесть болячки на заду, экзему на хребте, а также — поправь меня, если я ошибаюсь, — весьма удручающую одноглазость.

— Сущие пустяки! Подумай сам, что тебе понадобится на Равнине Стоячих Камней — верный

скакун или предмет тщеславной гордости? Итак, решено — он твой! И всего за тридцать терций.

Шокированный Кугель резко отшатнулся.

— Как? Когда за лучшего камбалезского вериота просят от силы двадцать?! Друг мой, твои замашки значительно превосходят мою платежеспособность.

Хозяин оставался воплощением дружелюбия и терпения.

— Друг мой, посреди Тсомбольских болот не купишь даже смрада дохлого вериота.

— Боюсь, характер нашей дискуссии становится абстрактным, — заметил Кугель. — Вернувшись на уровень практики, я утверждаю, что названная цена попросту бессовестна.

Багровая физиономия на миг утратила добродушие, и здоровяк плаксиво пробормотал:

— Ну вот, опять как всегда… Каждый, кому я продаю это животное, так и норовит злоупотребить моей добротой!

Реплика показалась Кугелю несколько странной, но он уловил колебания оратора и поднажал:

— Невзирая на дурные предчувствия, со свойственной мне щедростью предлагаю двенадцать терций…

— Заметано! — вскричал хозяин прежде, чем гость вымолвил последнее слово. — Клянусь, ты сам убедишься, что преданность животного превосходит всяческие ожидания.

Распрощавшись с дюжиной терций, Кугель с опаской вскарабкался на своего скакуна, и растроганный хозяин произнес благожелательное напутствие:

— Да будет твой путь и легким, и безопасным!

— Пусть вовеки цветет и процветает твое достойное заведение! — в тон ему откликнулся Кугель. Желая обставить отъезд поэффектнее, он вознамерился молодецки прогарцевать по двору, но скотинка лишь припала к земле и эдаким манером засеменила в сторону дороги.

Первую милю Кугель с комфортом проехал шагом, вторую тоже; принимая во внимание все обстоятельства, он был приятно удивлен нежданным приобретением: «Нет слов, ублюдок и впрямь легок на ногу! Посмотрим, какова скотина на рысях». Взбодренный поводьями скакун горделиво задрал голову, выгнул дугою хвост и припустил невиданным аллюром, являя собой на редкость смехотворное зрелище. Кугель ударил каблуками но выпирающим бокам: «Попробуем быстрее… Ну давай же, покажи свою прыть!»

Обновка рванулась вперед с такой энергией, что длинный плащ Кугеля бурно заполоскался на ветру. У поворота дороги высился массивный дуб, по-видимому, исполняющий роль пограничного столба. Завидев знакомый объект, скотинка выдала мощный финальный спурт, враз затормозила и, что было сил взбрыкнув филейными частями, катапультировала седока в глубокий кювет. Когда тот выкарабкался на дорогу, животное выделывало на болоте игривые курбеты, удаляясь в сторону постоялого двора. «Нечего сказать, лояльность! Гнусное создание хранит верность лишь собственному стойлу!» — пробурчал раздосадованный Кугель; отыскав упавшую шляпу и нахлобучив ее пониже, он устало поплелся дальше на юг.

День клонился к вечеру, когда он дошагал до деревушки в дюжину глинобитных развалюх, жители которой — приземистый, длиннорукий народец — все как один щеголяли буйными копнами выбеленных волос, оформленными с достойной восхищения изобретательностью. Оценив высоту солнца и туземный пейзаж в виде унылой чреды кочек вперемежку с лужами, Кугель отбросил снобизм и решительно приблизился к самой вместительной постройке,

претендующей на некую роскошь. Домовладельца он обнаружил за углом: сидя на завалинке, тот трудился над шевелюрой одного из своих отпрысков, щедро размазывая побелку и укладывая пряди на манер лепестков хризантемы; прочие многочисленные чада с энтузиазмом возились рядышком в грязи.

— Добрый день! — поприветствовал семейство Кугель.. — Признаться, мне настоятельно необходимы еда и ночлег… За соответствующее вознаграждение, разумеется.

— Безмерно счастлив услужить тебе! — живо откликнулся селянин. — Мой дом, скажу не хвастая, самый комфортабельный в Сампфетиске, а сам я считаюсь лучшим знатоком анекдотов среди жителей деревни. Желаешь сперва проинспектировать мою недвижимость?

— Незачем, я тебе доверяю. Мне бы только полежать часок в своей комнате, а после принять Горячую ванну.

Домовладелец, стряхнув побелку с рук, провел гостя в помещение и указал на кучу сухого тростника в углу:

— Вот твое ложе, отдыхай сколь душе угодно. Что до купания, делать этого не рекомендую, ибо окрестные лужи изобилуют трелкоидами и

черве-проволочниками.

— В таком случае, придется воздержаться, — согласился Кугель. — Однако же я не ел с самого утра и желал бы отобедать как можно скорее.

— Моя половина отправилась на болото поискать кое-чего из еды. Что толку говорить об обеде, коли мы не знаем, что ей удастся раздобыть!

В положенное время женщина вернулась с тяжелым мешком и полной корзиной, разожгла огонь и принялась варить, жарить и парить, в то время как супруг ее Эрвиг усердно развлекал гостя, распевая деревенские баллады под аккомпанемент местной двухструнной гитары. Наконец хозяйка позвала мужчин и детей в дом и подала на стол горшок с кашей-размазней, пару блюд с рублеными лишайниками и обжаренными глюковицами да горку толстых ломтей черного хлеба. Когда с ужином было покончено, отец семейства выставил жену и детей за дверь.

— Наши разговоры не для ваших ушей, — многозначительно пояснил он. — Этот господин очень важный путешественник.

Добыв откуда-то глиняный кувшин и пару стопок, Эрвиг выставил одну перед гостем, другую перед собой, плеснул в них аррака и приступил к беседе.

— Откуда идешь ты и куда держишь путь?

Кугель приложился к стопке, и пламя охватило его пищевод и желудок.

— Я выходец из той благословенной земли, что зовется Элмери, туда же и возвращаюсь.

— Элмери? Никогда не слышал о такой.

— О, это очень далеко, на крайнем юге.

Эрвиг задумчиво поскреб затылок.

— Меня по справедливости считают проницательным человеком, и все же я не в силах уразуметь… Как вышло, что ты пустился в столь долгий и рискованный путь, чтобы в результате вернуться туда, откуда пришел?

— В том следует винить моих врагов, чьи козни причинили мне неизмеримый вред, и я намерен по возвращении поквитаться с ними.

— Ничто не успокаивает душу так, как праведная месть, — согласился Эрвиг. — Может статься, однако, что твои планы нарушит Равнина Стоячих Камней по причине кишащих там мерзавров и азмодеев, да и пелгрейн, хочу добавить, не дремлет в небесах. Уж коль осилишь тот участок дороги и дойдешьдо земли Омбалик, то считай, что и впрямь родился в рубашке.

Кугель вытащил остро наточенный нож, позаимствованный на скотобойне в Тру у не, и

выразительно поиграл массивным лезвием.

— Меня не зря называют Кугелем Разумным! И хотя я имею опыт по части подобных тварей, но предпочитаю держаться от них как можно дальше. Сколь обширна та равнина и как д<±юг будет мой путь?

— Через две мили к югу местность, возвышаясь, становится плоской, дорога же начинает вилять меж валунами и делает это на протяжении пятнадцати миль. Хороший ходок осилит такое расстояние за четыре-нять часов… если, конечно, его не задержит или вообще не остановит вмешательство упомянутой живности. Ну а гам какой-то час пути до города, именуемого Квирнифом.

— Как говорится, золотник предуведомлений дороже воза запоздалых сожалений…

— Отлично сказано! — восхитился Эрвиг и взбодрил себя очередной порцией аррака.

— И потому хотелось бы узнать твое личное мнение о названном городе… Какой прием ожидает путника в Квирнифе? Не отличаются ли его жители излишне эксцентричным поведением?

— Ну, в какой-то мере! Во-первых, в отличие от нас, они ничуть не заботятся о прическах и не выбеливают волос, во-вторых, нетверды

в религиозных убеждениях. Вознося молитвы Пресвятому Виулию, горожане практикуют возложение десницы на живот вместо подобающей случаю левой ягодицы, что в нашей деревне почитается абсолютно неприемлемым. Что ты об этом думаешь?

— Ритуал следует исполнять точно так, как это делается у вас, а все прочие традиции никуда не годятся.

В порыве чувств Эрвиг наполнил Кугелеву стопку до самых краев.

— Воистину замечательное подтверждение наших взглядов, тем более из уст столь многоопытного путешественника, как…

Тут отворилась дверь, и в хижину заглянула Эрвигова половина:

— Ночь темна, ветер дует с севера, черный зверь рычит на краю болот!

— Укройтесь в тени деревьев и помните, что Пресвятой Виулий защищает свою паству. Нельзя и помыслить, женщина, чтобы ты и твои пащенки потревожили покой нашего гостя!

Бедняжка неохотно закрыла дверь и тихо удалилась в ночь. Эрвиг поудобней устроился на стуле и хватил очередную стопку аррака.

— Как я уже сказал, жители Квирнифа не без чу-

дачеств. Но тамошний правитель, герцог Орбаль, кому угодно даст сто очков вперед, ибо вконец помешался на всяческих чудесах и вундеркиндах! Он встречает с распростертыми объятиями любого бродячего фантасмагориста, каждого мага-шарлатана с парой заклятий в пустой башке… и тут же закатывает в их честь пир на весь мир!

— Да уж, и впрямь диковинное хобби, — поддержал беседу Кугель.

Тут женщина снова отворила дверь, и Эрвиг недовольно проворчал:

— Ну что у тебя на этот раз?

— Зверь уже в деревне, и, судя но всему, он тоже принадлежит к пастве Пресвятого Виулия!

Эрвиг затеял было препирательство, но лицо женщины неприятно ожесточилось.

— Твоему гостю придется пожертвовать своим покоем чуть раньше, только и всего! Так или иначе, но всем нам придется спать на одной постели.

Она широко распахнула дверь и велела выводку немедленно войти в дом. Сообразив, что дискуссии ям пришел конец, Эрвиг поспешно растянулся на куче тростника, и Кугель, поколебавшись, последовал его примеру.

Наутро, подкрепившись травяным чаем и чер-

ной лепешкой, выпеченной в золе, он собрался в путь. Эрвиг пожелал проводить гостя до самой дороги.

— Ты произвел на меня в высшей степени благоприятное впечатление! Послушай же, как пройти через Равнину Стоячих Камней. Лишь завидишь эту опасную местность, поскорее отыщи юлыш размером в собственный кулак и начерти на нем триграмму. Ежели на тебя нападут, подними талисман повыше и кричи погромче: «Прочь, прочь! Я несу священный атрибут!» Когда дойдешь до первого валуна, оставь голыш в-куче камней у его подножия, там же выбери второй, начерти тот же знак и ступай ко второму валуну… И так далее, до самого конца равнины, не забывая притом остерегаться глаз пелгрейна: эти бессовестные создания полностью лишены религиозных чувств. Ну что ж, счастливого пути! И, когда снова будешь в наших краях, вспомни о моем гостеприимном крове.

— Боюсь, нам вряд ли придется еще раз свидеться, — заметил Кугель. — Однако полагаю, что некий Юкоуну, более известный под именем Смеющийся Маг, рано или поздно пойдет той же дорогой… Я всенепременнейше порекомендую ему твое гостеприимство.

— Да будет так, как ты пожелаешь!

Вскоре Кугель достиг плоской серой равнины, примечательной лишь торчащими там и сям гигантскими серыми валунами никак не менее 12 футов высотой каждый. Оглядевшись, он обнаружил поблизости крупный булыжник и, торжественно возложив правую руку на левую ягодицу, отвесил перед священным объектом почтительный поклон.

— Препоручаю сей прекрасный камень твоим неусыпным заботам, о Пресвятой Виулий! И да послужит он надежной защитой странствующему по негостеприимной равнине!

Внимательно изучив ландшафт, Кугель не заметил ровно ничего достойного внимания, если не считать стоячих валунов, отбрасывающих под красным утренним солнцем длинные черные тени. Он с облегчением продолжил путь, но не успел прошагать и сотни ярдов, как ощутил за спиной некое присутствие. Резко обернувшись, Кугель узрел следующего за ним буквально по пятам восьмикрылого азмодея и, воздев к небу охранный талисман, громко возопил:

— Изыди, кровопийца! Не смей досаждать мне, ибо я несу священный атрибут!

— Глупости! Это обыкновенный булыжник, —

заметила тварь мягким интеллигентным голосом.

— Знаешь, ты совершил грубейшие ошибки при исполнении ритуала. Теперь беги, если хочешь, я тоже не прочь поразмяться.

— Как! Неужто не страшит тебя праведный гнев Пресвятого Виулия? — негодующе воскликнул Кугель.

— Он не имеет ни малейшего отношения к нашему делу, — хладнокровно парировало существо, делая шаг вперед.

Кугель швырнул свой талисман что было мочи и угодил прямо в широкий черный лоб азмодея, аккурат меж встопорщенных антенн. Тварюга грохнулась навзничь, и, прежде чем смогла подняться, проворный путешественник размозжил ее омерзительную голову. Подумав, он подобрал булыжник: «Как знать, кто направил полет этого камня? Уж верно, Пресвятой Виулий заслужил свою толику благодарности».

У первого же валуна Кугель, последовав совету селянина, обменял камни и двинулся далее. День шел своим чередом; солнце карабкалось ввысь спазматическими толчками и, немного передохнув в зените, поковыляло к западному горизонту, словно ' престарелый ревматик по шатким ступе-

ням. Благодаря удаче или священным камням, но путник бодро и беспрепятственно маршировал от валуна к валуну, хотя ему все же не раз приходилось падать на землю плашмя, дабы избегнуть внимания пелгрейна.

Наконец впереди обрисовалась низенькая гряда и за ней — спуск в тенистую долину; углядев их, путник ускорил шаг и вознес хвалу небесам за благополучный исход рискованного предприятия. Должно быть, он невольно ослабил бдительность, ибо раздавшийся с неба дикий ликующий клич застал его врасплох. В панике ринувшись под откос, Кугель заметался меж камней, упал и пополз, стремясь укрыться в ближайшей тени. Радостно клокоча, пелгрейн пронесся над его головой, резко развернулся, спикировал — и к хриплым крикам чудовища вдруг присоединился визгливый человеческий голос.

Осторожно выглянув из-за обломка скалы, Ку-, гель обнаружил, что тварь приземлилась полусотней ярдов ниже по склону и преследует некоего упитанного субъекта в просторных одеждах примечательной расцветки — сплошь в крупных черно-белых ромбах. Жертве удалось укрыться за олофаровым деревом, и пелгрейн, вереща и бурно хлопая крыльями, принялся

яростно загребать когтистыми ручищами то с одной, то с другой стороны ствола. Невзирая на солидную комплекцию, несчастный с изумительной ловкостью уклонялся от выпадов врага, хотя пот так и струился по его пухлой физиономии, обрамленной короткой черной бородкой.

Разочаровавшись в избранной тактике, тварь разразилась потоком несвязной брани и просунула в развилку ствола разинутую пасть. Повинуясь внезапному импульсу, Кугель начал потихоньку сползать по склону, пока не очутился прямо над зверем, выбрал подходящий момент и прыгнул, приземлившись обеими ногами на здоровенную зубастую башку. Пелгрейн рухнул. Его голая шея клином вошла в развилку дерева.

— Ну а теперь, — обратился Кугель к остолбеневшему толстяку, — если ты снабдишь меня прочной веревкой, мы свяжем его как следует.

— Непростительное милосердие! — встрепенувшись, запротестовал тот. — Или ты не видел, как мерзкое создание покушалось на мою жизнь? Прикончить его, и немедля! Ну-ка подвинь левую ногу, я отсеку ему голову.

— Стоит ли торопиться? — возразил Кугель. — Какова бы ни была вина животного, у меня есть права на этот ценный экземпляр, и я намерен

защищать свои интересы.

— Твои претензии совершенно не обоснованы, — после секундного раздумья возразил толстяк. — Я был на расстоянии вытянутой руки от ценного экземпляра, и как раз собирался оглушить его, когда ты бесцеремонно вмешался в ситуацию.

— Ну что ж, — пожал плечами Кугель. — Значит, мне остается только избавить чудовище от своего веса и отправиться дальше.

— Зачем же доводить до нелепых крайностей сугубо теоретическую дискуссию! — поспешно проговорил субъект в черно-белом балахоне. — У меня найдется вполне подходящая веревка.

Придавив голову пелгрейна обломком массивного сука, они старательно связали его, и толстяк, представившийся как Иоло Снолов, спросил:

— Так в чем же ценность этого создания и каково, на твой взгляд, се материальное выражение?

— Видишь ли, я как раз вспомнил, что Орбаль, герцог Омбаликский, является страстным любителем раритетов. Думаю, он выложит за монстра кругленькую сумму, возможно, даже сотню терций.

— Разумная мысль! Ты уверен, что тварь связана вполне надежно?

Занявшись проверкой узлов, Кугель заметил, что хохолок чудища украшает голубое хрустальное яйцо, подвешенное на золотой цепочке, и потянулся за драгоценной вещицей, но растопыренная пятерня Иоло молниеносно догнала его руку. Отпихнув толстяка плечом, Кугель ловко снял амулет, но соперник успел вцепиться в золотую цепочку; оба замерли, уставясь в глаза друг дружке.

— Я попросил бы оставить в покое мою законную собственность, — холодно промолвил Кугель.

— Убери свою алчную длань.

— Тебе ли пристало рассуждать о законах? — риторически вопросил Иоло. — Данный объект принадлежит мне по праву и справедливости, поскольку именно я заметил его первым.

— Это гнусная и неубедительная ложь! Разве ты не помнишь, что именно я снял эту безделушку с пелгрейна, а ты всего лишь пытался изъять ее у меня?

— Я не терплю инсинуаций!

В ярости топнув ногой, Иоло попытался силой вырвать предмет спора из цепких пальцев оппонента; пыхтя и тузя друг друга, они упали и покатились по склону. Голубое яйцо отлетело сто-

рону и, ударившись о землю, исчезло во вспышке взрыва; когда рассеялся голубой дым, в склоне холма обнаружилась глубокая дыра. Внезапно из нее взметнулось длинное, отливающее золотом щупальце и крепко ухватилось за Кугелеву ногу. Иоло, шарахнувшись от греха подальше, встал в сторонке и принялся наблюдать за неравной борьбой.

— Тащи сюда веревку и привяжи к чему-нибудь это проклятое щупальце! — надсадно взвыл Кугель.

— И поскорее, а то оно уволочет меня в эту дыру!

— Поскольку сама судьба покарала твою алчность, я не желаю вмешиваться в естественный порядок вещей, — нравоучительно заметил Иоло.

— К тому же у меня только одна веревка, и, если ты помнишь, мы израсходовали ее на пелгрейна.

— Так убей пелгрейна и употреби ее на более неотложное дело! — возопил Кугель.

— Все не так просто, — заметил Иоло. — Вспомни, что ты оценил это животное в сотню терций, из коих моя доля составляет пятьдесят. Еще десять накинем за веревку…

— Как?! — взревел Кугель. — Десять терций за

старый шнурок ценой от силы в пару медяков?!

— Что есть цена? По определению — величина переменная. Разве это не базисный постулат коммерции?

— Ну хорошо, — просипел Кугель, — я согласен. Десять терций за веревку. Но я не могу дать пятьдесят за пелгрейна, у меня всего-то сорок пять.

— Так и быть, — согласился Иоло, — если добавишь в качестве залога ту бриллиантовую булавку, что я вижу на твоей шляпе. А теперь заплати мне сорок пять терций.

Не видя толку в дальнейших препирательствах, ухваченный за ногу бросил кошелек на землю. Иоло продолжал настаивать на булавке, но тут Кугель уперся и категорически отказался уступить право на бриллиант, прежде чем щупальце будет надежно привязано. Иоло неохотно отрубил пел-грейну голову, смотал веревку и привязал ею щупальце к ближайшему пню, облегчив наконец тяжкое бремя Кугелевой щиколотки.

— А теперь, будь столь любезен и передай мне эту булавку, — велел толстяк, многозначительно приставив лезвие ножа к неряшливому узлу.

Тяжко вздохнув, Кугель исполнил приказание.

— Ну а теперь, поскольку ты уже завладел всем моим достоянием… Будь так добр и освободи

меня от этого щупальца.

Иоло спокойно проигнорировал реплику и принялся обустраивать место для ночлега.

— Неужто неведомо тебе благое чувство сострадания? — патетически воззвал Кугель. — Или ты не помнишь, что я спас тебя от пелгрейна?!

— Конечно, помню, тем более что последствия твоего необдуманного поступка у меня перед глазами. Мало того, что тебя держит за ногу аномальный объект, вдобавок ты лишился всего своего имущества. Вот урок, который тебе следует извлечь из данной ситуации: никогда не нарушай мирового равновесия без соответствующей предоплаты!

— Ты прав, — согласился Кугель. — Однако прими во внимание, что возникло и существует серьезное отклонение от естественного порядка вещей, которое разумные люди вроде нас с тобой вполне способны отрегулировать. Ты — ослабив петлю на моей щиколотке, я — вытянув из нее ногу.

— В твоих словах есть доля истины, — признал Иоло. — Завтра утром, на свежую голову, я попытаюсь взглянуть на факты с другой стороны.

Кугель пустился было в увещевания, но Иоло повернулся к нему глухим ухом. Разложив

костер, сварив в котелке травяную похлебку и присовокупив к ней половину холодной курицы, он плотно и со вкусом поужинал, запивая вином из кожаной фляги. Покончив с едой, толстяк аккуратно заткнул пробку, удобно прислонился к стволу дерева и обратил наконец свое внимание на Кугеля.

— Ты, разумеется, спешишь принять участие в знаменитой Выставке Чудес славного герцога Орбаля?

Кугель покачал головой.

— Я всего лишь простой путешественник. А что это за выставка?

— О, герцог ежегодно проводит состязания чудодеев и самолично присуждает главный приз, то есть тысячу терций. Не сомневаюсь, что в нынешнем году первое место получит моя Торба, полная снов.

— Полная снов?.. Любопытно! Должно быть, это всего лишь романтическая метафора?

— Ни в коей мере! — негодующе возразил Иоло, приняв вид оскорбленного достоинства.

— Так что же это? Световой калейдоскоп? Галлюцинаторный газ? А может быть, ты искусный имперсонатор?

— Ты далек от истины. Я намереваюсь проде-

монстрировать герцогу уникальную коллекцию стопроцентно натуральных, полностью очищенных от грязи и сальностей снов, прошедших возгонку и свободную кристаллизацию.

Иоло вытащил из сумы небольшой мешочек из мягкой серой замши, достал из него смахивающий на снежинку объект примерно двух дюймов в поперечнике и поднес поближе к свету костра, дабы Кугель смог оценить изменчивость его летучих переливов.

— Когда я попотчую герцога Орбаля своими дивными снами, победа без сомнений останется за мной!

— Твои рассуждения вполне логичны. Но каким образом, хотелось бы знать, ты добываешь исходное сырье?

— Это, разумеется, секрет фирмы, однако я не вижу причин, мешающих обрисовать процесс в общих чертах. Я проживаю в земле Дейпассант, близ озера Люканор, чью водную гладь туманит холодными ночами тонкая пыльца, отражая блистающими точками сияние звезд. Подняв посредством соответствующего заклятия с поверхности озера сии нечувствительные нити, свитые туманом и светом звезд, я плету из них сети и отправляюсь на поиски снов. Неустан-

но бродя по крышам, проникая в спящие дома, часами дежуря в детских и спальнях, я в любой момент готов накинуть сеть на мимолетный сон! И каждое утро, доставив в лабораторию новую партию редкостных сновидений, я подвергаю их тщательной сортировке, дабы изготовить требуемую исходную смесь, и затем, посредством разнообразных процедур, вдаваться в которые нет нужды, — получаю в надлежащий срок готовый кристаллический продукт. Вот этими-то изделиями я и зачарую герцога Орбаля так, что он тут же присудит мне тысячу терций.

— Я первым бы примчался тебя поздравить, не будь гадкого щупальца, не желающего отпускать мою ногу, — заметил Кугель.

— Да-да, мы непременно обсудим этот интересный вопрос.

Тут Иоло зевнул, подбросил хвороста в костер, произнес нараспев заклятие от хищников в ночи и, умиротворенный, отошел ко сну.

Целый час Кугель тщетно пытался ослабить хватку щупальца, чутко прислушиваясь к доносящимся из долины звукам. Вскрикнув, ночная птица пролетела над его головой; над угасающим костром закружился квартет черных бабочек, но внезапно (причиной тому был, скорее всего, мо-

гучий храп Иоло) умчался по раскручивающейся спирали обратно во тьму. Пошарив по земле, он нашел прутик, которым подгреб к себе палку побольше, а ею — еще одну того же размера. Привязав одну к другой выдернутым из кисета шнурком, Кугель с удовлетворением отметил, что их суммарная длина как раз позволяет дотянуться до мирно почивающей у костра фигуры.

С изумительной сноровкой управляясь с описанным орудием труда, пленник подтащил суму Иоло на расстояние вытянутой руки и прежде всего изъял из нее кошель с двумя сотнями терций. Переложив его содержимое в собственный кисет, он вернул себе шляпную булавку и напоследок присвоил серый замшевый мешочек. Ничего ценного в сумке более не обнаружилось, за исключением половинки курицы, припасенной толстяком на завтрак, да кожаной фляги с вином. Оба предмета Кугель отложил для собственных нужд, вернул суму на место и, разобрав свой импровизированный шест, отбросил ветки подальше. Не сыскав поблизости лучшего тайника, он привязал шнурок к конфискованной Торбе, полной снов, и опустил ее в загадочную дыру, потом съел курицу, выпил вино и постарался устроиться как можно удобнее.

Наступил рассвет, и солнце всплыло из-за горизонта в тускло-лиловые небеса. Иоло встал, зевнул, потянулся, раздул костерок и подбросил в него сухих веток, после чего обратился к Кугелю с участливым утренним приветствием:

— Хорошо ли почивал?

— Лучше, чем следовало ожидать. В конце концов нет смысла жаловаться на то, что не можешь изменить.

— В этом ты абсолютно прав.

Тут Иоло полез за завтраком; обнаружив пропажу имущества, он резко выпрямился и в упор уставился на Кугеля.

— Где мои деньги?! Где Торба, полная снов?! Их нет!!! Как ты это объяснишь?

— Очень просто. Приблизительно в полночь по местному времени из леса вышел грабитель и обчистил твою суму.

— О-оо! Мои драгоценные сны! А-аа! — взвыл Иоло, вцепившись в собственную бороду. — Ну почему? Почему? Почему ты не закричал?!

Кугель почесал в затылке.

— Видишь ли, мы так не договаривались. Ты не дал мне соответствующих инструкций, а сам я ни за какие коврижки не рискну еще раз нарушить мировое. равновесие. К тому же грабитель

оказался человеком незлым и, завладев твоим имуществом, великодушно презентовал мне полкурицы и флягу вина, о чем я его вовсе не просил, однако счел неудобным отказаться. Мы немного поболтали, и он признался, что тоже идет в Квирниф на Выставку Чудес.

— Ага! Ты сможешь опознать грабителя?

— Без всякого сомнения.

— Прекрасно! А теперь попробуем заняться щупальцем. Возможно, нам и удастся кое-что сделать.

Иоло ухватился за таинственную конечность и попытался оторвать ее от Кугелевой ноги. Сражение длилось минут двадцать; Иоло пыхтел, кряхтел, бранился и лягался, полностью игнорируя испускаемые Кугелем болезненные вопли, пока противник наконец не сдался и не отпустил захваченное.

Покуда Кугель отползал подальше от дыры, Иоло осторожно подкрался к ней и заглянул в жуткое темное нутро.

— Кажется, я вижу какой-то мерцающий свет… Да, настоящая загадка! А что это за шнурок свисает с корня и уходит в глубь холма?

— Я привязал к нему камень и попробовал нащупать дно, — объяснил Кугель. — Ничего не

вышло.

Иоло потянул за шнурок, который сначала подался, потом натянулся и вдруг лопнул.

— Странно, — пробормотал тот, внимательно осмотрев оборванный конец, — похоже, он соприкасался с какой-то чрезвычайно едкой субстанцией… Впрочем, нам следует поторопиться в Квирниф и отыскать проходимца, имевшего наглость присвоить мои ценности.

Дорога кружила меж полей, садов и виноградников, и трудящиеся пейзане, разогнувшись, долго глядели вслед странным путешественникам. Дородный, круглолицый Иоло, весь в черно-белых ромбах, энергично перебирал ногами, свирепо выставив вперед окладистую бородку; сухощавый, длинноногий Кугель цаплей вышагивал рядом, храня мрачное выражение лица. Всю дорогу Иоло задавал наводящие вопросы касательно личности грабителя, Кугель же, которому это давно надоело, давал ему неопределенные, двусмысленные и, под конец, противоречивые ответы, так что голос вопрошающего становился все громче и пронзительней.

Войдя в город, они пересекли главную площадь, и тут Кугель заметил весьма приличную с виду гостиницу.

— Здесь наши пути расходятся, — уведомил он Иоло. — Пожалуй, я сниму комнату вон в том заведении.

— Где, в «Пятерке сов»? Да ведь это самая дорогая гостиница Квирнифа! И каким образом ты предполагаешь оплатить счет?

— То есть как?! Ты же сам мне сказал, что главный приз составит тысячу терций.

— Да, конечно. Но какое чудо, позволь спросить, ты намерен представить на выставке? Должен предупредить тебя, герцог весьма крут с шарлатанами.

— Будущее покажет, — уклончиво ответил Кугель, отдавая спутнику вежливый салют. — А пока позволь пожелать тебе удачной охоты на самые лучшие сны на самых пологих крышах.

Получив удобную, недурно обставленную комнату, он освежился, принарядился и франтом сошел в общий зал, где заказал лучшее, что отыскалось в меню, плюс графинчик янтарного сухого вина. Попировав на славу, он поманил к себе хозяина и от души высказал одобрение качеству гостиничного стола.

— Судя по всему, Квирниф пользуется особой благосклонностью элементарных стихий! Кругом так мило, воздух необыкновенно свеж, а

герцог Омбаликский — исключительно мудрый правитель.

— Ага! Так значит, ты знаком с герцогом Орбалем?

— Ну, не то чтобы… Я видел его, когда проходил по площади, и он произвел на меня впечатление добросердечного, рассудительного человека.

Хозяин кивнул, но как-то неуверенно.

— Ты, разумеется, прав, нашего герцога непросто вывести из себя, пока ему не противоречишь. Однако при малейших разногласиях врожденная мягкость сразу его покидает. Взгляни-ка на вершину вон того холма… Что ты видишь?

— Четыре трубы, каждая высотой примерно 30 ярдов и чуть менее ярда в диаметре.

— У тебя точный глаз! Эти конструкции предназначены для сбрасывания в них непочтительных членов общества. Так вот, если тебе выпадет счастье поговорить с герцогом, не вздумай игнорировать его советы.

Кугель легкомысленно взмахнул рукой.

— Вряд ли ваши городские трубы могут иметь отношение ко мне, ведь я чужестранец.

Скептически усмехнувшись, собеседник спросил:

— Полагаю, ты прибыл поглазеть на Выставку

Чудес?

— Бери выше! Я твердо намерен завоевать главный приз. А кстати, не можешь ли порекомендовать надежного человека, зарабатывающего извозом?

— Охотно, — и хозяин подробно растолковал, где отыскать соответствующее заведение.

— Сверх того, мне требуется бригада крепких и добросовестных работников. Где можно нанять таких людей?

Хозяин указал на довольно неприглядную таверну по другую сторону улицы:

— В «Голубой кукушке» вечно толкутся парии, и там ты найдешь работников на любой вкус.

— Отлично! Пойду к извозчику, а ты отправь поваренка нанять дюжину надежных парней.

— Всегда к твоим услугам!

В извозном дворе Кугель взял напрокат крепкий трехосный фургон с упряжкой тяжеловозов. Прогромыхав на нем до «Пятерки сов», он обнаружил во дворе двенадцать живописнейших персонажей, в том числе трясущегося маразматического старца на одной ноге и опухшую личность, отгоняющую невидимых мух. Этих двоих Кугель немедленно уволил. Третьим оказался Иоло Снолов, взирающий на своего нанимателя с

живейшим подозрением.

— Друг мой, как же тебя угораздило затесаться в столь непрезентабельную компанию? — участливо спросил Кугель.

— Я вынужден зарабатывать себе на жизнь, — с достоинством ответил тот. — Позволь спросить, где ты разжился средствами для финансирования столь масштабной программы? К тому же я вижу на твоей шляпе ту самую булавку, что еще вчера была моей законной собственностью!

— Это вторая половина пары, первую же унес грабитель вкупе со всем принадлежавшим тебе имуществом, — объяснил Кугель.

— За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я законченный идиот? А зачем тебе фургон и эти рабочие?

— Если снизойдешь потрудиться, дабы заработать весьма существенное вознаграждение, то все узнаешь сам.

Посадив свою команду в фургон, Кугель выехал из Квирнифа и вскоре прибыл к таинственной дыре, которая за истекшее время ничуть не изменилась. Он распорядился сперва окружить ее глубокой канавой, а затем сделать подкоп снизу. Наконец Кугелевы землекопы кряхтя извлекли из склона холма и с натугой погрузили в фургон

здоровенный ком глины, включающий в себя дыру и пенек, к коему по-прежнему было привязано щупальце.

Уже на полпути к успешному завершению проекта манеры Иоло разительно изменились.

— Что за великолепная, ну просто замечательная идея! Мы с тобой отлично на ней заработаем! — радостно сказал он Кугелю.

Тот холодно приподнял бровь.

— В самом деле? Я действительно рассчитываю на главный приз, но твоя награда окажется куда более скромной. И даже мизерной, если ты не приложишь должных стараний.

— Возмутительно! — взорвался Иоло. — Ты обязан официально признать, что половина этой дыры по праву является моей собственностью!

— Я никогда не признаю ничего подобного. А теперь прекрати лишние разговоры, а не то мне придется тебя уволить.

Ворча, рыча и стеная, Иоло неохотно вернулся к работе. Наконец дело было сделано, и Кугель погнал груженный рабочими, глиной, дырой и щупальцем фургон обратно в Квирниф. По дороге он приобрел кусок старого брезента и прикрыл дыру и щупальце, дабы не демонстрировать их без нужды. Доехав до выставки, Кугель распоря-

дился выгрузить и занести в павильон ценный экспонат и расплатился со своими людьми.

— Минуточку! — страстно вскричал Иоло. — А как же я? Мы обязаны заключить соглашение…

Кугель проворно вспрыгнул на козлы и погнал фургон к извозному двору.

Наутро фанфары и гонги известили ’горожан и гостей столицы об официальном открытии экспозиции. Герцог Орбаль явился на площадь в ослепительном великолепии расшитого белоснежными перьями одеяния цвета бледной розы в сочетании с голубой бархатной шляпой двух футов в диаметре, украшенной массивной серебряной кокардой и изящными кисточками из серебряной же мишуры. Взойдя на помост, он обратился к толпе со вступительной речью.

— Насколько мне известно, я давно приобрел репутацию персоны в высшей степени эксцентричной… И все благодаря тому энтузиазму, с коим денно и нощно разыскиваю редкостные чудеса природы, науки и магического искусства. Но если мы подвергнем данное увлечение беспристрастному анализу, то убедимся, что оно вовсе не так абсурдно, как выглядит со стороны. Обратимся к началу времен, к эпохе Вальпургениалов, вспомним Пурпурную и Изумрудную колле-

гии с их могущественными магами, среди коих особо выделялись Амберлин Порфирогоносец Повторный, а также Моррион Хладнокровавый и, разумеется, Великолобый Фанандааль! Да, то были дни могущества и славы, коих, увы, более не вернуть. Моя же Выставка Чудес всего лишь скромная дань моей печальной ностальгии…

Помолчав, герцог поднес к глазам листок бумаги.

— Тут у меня каталог, и я вижу, что нас ожидает замечательная, весьма многообещающая программа. Итак, мы проинспектируем Шустрые Эскадроны, представленные Зарафламом, затем Бесподобных Музыкантов Газзарда, далее следует Ксаллопс со своим Компендиумом Универсального Знания, Иоло предлагает Торбу, полную снов, и наконец Кугель представит пред нашими изумленными очами интригующий экспонат Нигде… Да, чрезвычайно соблазнительная программа! Думаю, мне будет непросто решить, кому отдать главный приз. А теперь без дальнейших проволочек перейдем прямо к Шустрым Эскадронам.

Толпа сгрудилась у первого павильона, и Зарафлам вывел на всеобщее обозрение дрессированных тараканов, наряженных в новенькую красную, белую и черную униформу. И началось!

Офицеры размахивали шпагами, солдаты с мушкетами бойко и ладно маршировали взад-вперед. «Стой!» — рявкнул Зарафлам, и войско дружно остановилось. «То-овсь!» Тараканы изготовились. «Салют в честь герцога Орбаля!» Офицеры высоко подняли шпаги, солдаты зарядили свои мушкеты… «Пли!!!» Шпаги резко опустились, мушкеты изрыгнули крошечные клубы белого дыма! «Ура-ааа!!!»

— Великолепно, просто великолепно, — громко объявил герцог. — Я восхищаюсь твоим терпением и усердием, Зарафлам.

— Тысяча благодарностей, Ваша Милость! Ну как, я заслужил главный приз?

— Об этом еще рано говорить. А сейчас Газзард и его Бесподобные Музыканты!

Зрители ринулись ко второму павильону, но Газзард отчего-то не торопился. Наконец он вышел к публике с убитым лицом.

— Ваша Милость, а также почтеннейшие граждане Квирнифа! Мои Бесподобные Музыканты — не что иное, как поющие рыбы Желеидного моря, которых я привез в Квирниф в законной надежде на первый приз. Однако этой ночью в баке случилась протечка, и теперь все мои артисты мертвы. Но умоляю не отстранять меня

от состязаний, ибо я в совершенстве имитирую пение своей труппы, и на этом основании вы сможете оценить ее мастерство.

Герцог Орбаль сурово нахмурился.

— Это невозможно. Я официально объявляю экспонат Газзарда утратившим ценность. А теперь перейдем к Ксаллопсу и его замечательному Компендиуму.

Ксаллопс выскочил из своего павильона со свертком в руках:

— Ваша Милость! Дамы и господа Квирнифа! Экспонат, который я представляю на этой выставке, является доподлинным чудом из чудес. Правда, в отличие от Зарафлама и Газзарда, не могу похвастать тем, что сам его создал… Будучи профессиональным грабителем древних могил — а это труд тяжелый, рискованный и малодоходный, я отыскал гробницу, где десять эонов назад упокоился чародей Зинкзин. Из его-то мрачного склепа я и вынес ту Книгу, которую узреют ваши изумленные глаза.

Он развернул обертку и продемонстрировал зрителям внушительный фолиант в черном кожаном переплете.

— Стоит лишь приказать, и Книга снабдит вас информацией по любой теме! Она знает обо всем,

что творилось в мире, начиная с первомомента, когда Космический Скарабей пустил планеты по околосолнечным орбитам, и по нынешний день. Притом до мельчайшей, тривиальнейшей детали! А теперь спрашивайте, — и кто ищет, тот обрящет.

— Замечательно! — провозгласил герцог Орбаль.

— Пусть она представит нам Потерянную оду Псирма.

— К вашим услугам, — любезно ответила Книга, откинув обложку, и герцог уставился на страницы, усеянные замысловатыми, абсолютно нечитабельными закорючками.

— Боюсь, это выше моего разумения, — растерянно пробормотал он. — Прошу представить перевод.

— Просьба отклоняется, — заявила Книга. — Эту тонкую, изысканную поэзию невозможно перевести на ваш грубый язык.

Герцог Орбаль уничтожающе глянул на Ксаллопса, и тот поспешно велел Книге:

— Покажи нам сценки из стародавних времен.

— С удовольствием! Обращаясь к Девятнадцатому зону Пятьдесят второго цикла, вывожу на дисплей вид со стороны Увядшей долины на

Башню Застывшей Крови, принадлежавшую знаменитому Сингхарипуре.

— Великолепно! — провозгласил герцог Орбаль.

— Хотелось бы взглянуть на портрет самого Сингхарипуры.

— Как пожелаете. Вот сценка на Террасе Брошенных Камней замка Иан, где Сингхарипура стоит рядом с цветущей веткой плюща, в кресле же сидит Императрица Ноксон, коей только что исполнилось сто сорок лет. За всю свою жизнь Ноксон не выпила ни капли воды и питалась исключительно биттергробами, разве что иногда побалуется фунцией-другой копченого угря.

— Уф! — сказал герцог Орбаль. — Что за ужасная старая ведьма! Уж лучше покажи нам какую-нибудь придворную красавицу Желтого века.

Книга пробормотала непонятное слово на неизвестном языке, и страница перевернулась, открыв картинку мраморного променада на берегу широкой реки.

— Обратите внимание на растительность, — сообщила она, указывая светящейся стрелкой на купу деревьев, смахивающих на огромные золотые шары. — Это ириксы, живица которых использовалась в качестве высокоэффективного

глистогонного средства, но к настоящему времени они полностью вымерли. На эспланаде вы можете видеть множество людей. Те, что носят черные чулки, — аллюлианские рабы, предки которых прибыли с далекого Канопуса. В центре променада стоит красивая женщина, отмеченная красной точкой, но лицо ее обращено к реке.

— Это никуда не годится, — проворчал герцог.

— Неужто ты не можешь призвать к порядку свой экспонат, Ксаллопс?

— Боюсь, что нет, Ваша Милость.

Герцог недовольно фыркнул.

— Итак, последний вопрос! Кто из ныне проживающих в Квирнифе представляет собой наибольшую опасность для нашего государства?

— Я не оракул, а база данных, — заметила Книга.

— Тем не менее сообщаю, что среди присутствующих находится некий длинноногий бродяга с хитрой ухмылкой на лице, который…

Резко выбросив руку, Кугель ткнул пальцем в дальний угол площади:

— Там грабитель! Я его узнал! Бейте в гонг, зовите стражу!

Когда все разом обернулись посмотреть, он быстро захлопнул Книгу и многозначительно

постучал по обложке костяшками пальцев. Та недовольно хрюкнула.

Герцог Орбаль, нахмурившись, повернулся к Кугелю:

— Но я никого не вижу!

— Что ж, возможно, я ошибся. Однако нас дожидается Иоло со своей знаменитой Торбой, полной снов.

Герцог в окружении толпы переместился к следующему павильону.

— Иоло Снолов! Твоя слава прежде тебя самого одолела расстояние между Дайпассантом и Квирнифом. Официально приветствую тебя и заверяю, что демонстрация твоего экспоната будет встречена самым благосклонным образом.

— Ваша Милость, у меня для вас дурные вести, — ответствовал Иоло скучным голосом. — Целый год я готовился к этому дню, надеясь, разумеется, выиграть главный приз. Все темное время суток я проводил за работой и не считался ни с какими расходами, чтобы отловить особо лакомый образчик. Каждый сон, застрявший в моей звездной сети, был тщательно мною рассмотрен и оценен; отбирая единственный из каждой дюжины, я взрастил из сего высококачественного сырья свои дивные кристаллы, которые и нес

сюда из Дайпассанта. Однако прошлой ночью моя собственность была похищена при самых таинственных обстоятельствах, и все мои ценности унес грабитель, опознать которого может только Кугель. Таким образом, мне ничего не остается, кроме как подчеркнуть, что эти сны, где бы они ни находились, представляют собой подлинное чудо, и если я подробно опишу каждый из них…

Герцог Орбаль протестующе поднял руку.

— Боюсь, я вынужден повторить то же, что поведал нашему доброму Газзарду: одно из главных правил гласит, что ни воображаемые, ни подразумеваемые чудеса на допускаются к конкурсному состязанию. Остается только выразить официальные сожаления по поводу постигшей тебя утраты и надежду на то, что у нас еще будет возможность насладиться твоей продукцией. А теперь мы должны перейти к павильону Кугеля и проинспектировать его загадочное Нигде.

Кугель встал перед своим экспонатом.

— Ваша Милость, я предлагаю не жалкую кучку неопрятных насекомых, не педантичный и сварливый альманах, но подлинное и отвечающее всем требованиям чудо. Любуйтесь! — и он резко сдернул брезент.

Герцог издал горловой звук.

— Что это? Куча грязи? Старый пень? И что за странная штука торчит из дыры?

— Ваша Милость, позвольте мне рассказать о происхождении моего чуда! Когда я покинул Равнину Стоячих Камней, с неба спустился пелгрейн, которого я поймал и убил. На гребешке его висело знаменитое квандарово яйцо, известное как основной источник диазматического концентрата. Не желая, чтобы какая-либо тварь силой указанного яйца причинила ущерб интересам Вашей Милости и всего Омбалика, я с размаху швырнул его о землю, и, взорвавшись, оно проделало дыру, ведущую в неведомый и таинственный мир.

Иоло шутихой вылетел вперед.

— Умоляю тебя, Кугель, — вскричал он, брызжа слюной, — будь любезен придерживаться истины! Это я, я схватил пелгрейна, — продолжал он, оборотясь к герцогу Орбалю, — а Кугель выскочил из-за дерева и присвоил квандарово яйцо, однако уронил его в попытке к бегству!

— Ваша Милость, не стоит обращать внимания на эти нелепые искажения истины, — снисходительно усмехнулся Кугель. — Боюсь, бедный Иоло злоупотребил своими собственными снами. Не лучше ли проинспектировать щупальце, пульсирующее ритмами иной Вселенной? Взгляните

на золотой глянец его дорсальной поверхности, на эти чешуйки, переливающиеся из зелени в цвет лаванды, а если Ваша Милость рассмотрит щупальце с нижней стороны, то обнаружит три новых цвета, коих никто и нигде доселе не видывал!

— Все это прекрасно, — сказал герцог в некотором замешательстве, — но где же остальная часть неведомого создания? Ты представил нам не чудо, а лишь фрагмент чуда! Я не могу вынести свое суждение, опираясь на хвост или на хобот, или любой другой член, чем бы он там ни был. Кроме того, ты утверждаешь, что эта дыра уходит в иную Вселенную, однако с виду ее не отличить от норы барсундука.

— Могу я высказать собственное мнение? — высунулся Иоло. — Обдумывая события, я пришел к выводу, что Кугель сам украл мою Торбу, полную снов, а также мой кошелек, где содержалось свыше двух сотен терций. Затем он приписал свои деяния грабителю, коего охарактеризовал — цитирую! — следующим образом: «вульгарный, глубоко порочный субъект с красным носом и большущими ноздрями». Теперь прошу отметить: как только мы вошли в Квирниф, Кугель уверенно указал на Вашу Милость как на гра-

бителя!

— Минуточку! — в ярости вскричал Кугель. — Паршивец Иоло, как обычно, нагло передергивает факты! Мы действительно вместе вошли в Квирниф. Чистая правда и то, что внешность грабителя была главным предметом нашей беседы. Но затем, как только Ваша Милость явилась на площадь, Иоло с шокирующей фамильярностью указал пальцем в вашу сторону и заявил: «Там стоит парень с сомнительной репутацией. Должно быть, это и есть грабитель? Приглядись к нему получше». На что я ответил: «Благородный и благообразный джентльмен, на которого ты указываешь пальцем, нисколько не походит на…»

Иоло разразился язвительным хохотом.

— Напротив! Ты только и говорил, что о врожденной порочности и гнусном лицемерии!

— Твои крики мешают нам работать, — заявил Кугель. — Попридержи язык, покуда я не завершу демонстрацию моего экспоната.

Но с Иоло не так-то просто было сладить.

— Выслушайте меня, Ваша Милость, — вскричал он жалобным голосом. — Грабитель — не более чем измышление грязного Кугелева ума! Это он украл мои сны и где же еще мог их спрятать, как не в дыре?! А вот и вещественное

доказательство… С чего бы это тут болтается шнурок? Уж верно, к нему была привязана моя Торба, полная снов!

Герцог нахмурился.

— Что скажешь по поводу предъявленных тебе обвинений? Да не вздумай лгать, ибо все будет проверено.

— Я могу засвидетельствовать только то, что видел сам, — начал Кугель, тщательно подбирая слова. — По-видимому, грабитель сунул Торбу в дыру как раз в тот момент, когда я непреднамеренно отвернулся. С какой целью, спросите вы? Отвечу — не знаю! С другой стороны, с таким же успехом и сам Иоло, раздосадованный мизерной ценностью своих снов, мог в сердцах швырнуть экспонат прямо в дыру. Вполне возможный вариант, не правда ли?

Иоло воздел к небесам сжатые кулаки, но прежде чем он успел разразиться гневной отповедью, Герцог Орбаль спросил обманчиво мягким голосом:

— Кто-нибудь из вас пытался отыскать в этой дыре эту неуловимую Торбу, полную снов?

Кугель равнодушно пожал плечами.

— Я никогда не лишал Иоло свободного доступа. Он может забраться туда хоть сейчас и обследо-

вать дыру в свое полное удовольствие.

— Она принадлежит тебе, — быстро парировал Иоло, — значит, именно ты должен обеспечить полную безопасность всех присутствующих. Так что полезай в дыру и верни мне мою собственность.

Последовал оживленный обмен аргументами, прерванный наконец герцогом Орбалем.

— Обе стороны предъявили весьма убедительные доказательства своей правоты, однако в общем и целом я склоняюсь к тому, что именно Кугель должен свершить попытку вернуть утерянные сны.

Кугель принялся оспаривать решение герцога с таким жаром, что тот бросил задумчивый взгляд на линию горизонта, нарушенную четырьмя четкими вертикалями. Пришлось частично сдать позиции.

— Решение Вашей Милости неоспоримо, и я попытаюсь найти эти сны. Однако со всей ответственностью заявляю, что гипотеза Иоло не выдерживает никакой критики!

Раздобыв длинный шест и крюк и приладив одно к другому, Кугель с опаской сунул свое приспособление в дыру и слегка пошуровал, но добился лишь того, что потревоженное щупальце

бурно задергалось.

— Удивительное дело! — вскрикнул вдруг Иоло.

— Этот ком глины всего шести футов в поперечнике, Кугель же засунул туда палку длиною в дюжину футов! Опять обман?!

— Я обещал герцогу Орбалю подлинное чудо и выполнил свое обязательство, — с достоинством ответил Кугель. — Но о его механизмах я знаю ничуть не больше, чем Зарафлам об умственных процессах своих тараканов.

Герцог Орбаль одобрительно кивнул.

— Недурно сказано, Кугель! Твой экспонат вполне мог бы претендовать на главный приз, и все же его портит некая незавершенность. Бездонная дыра! Кусок щупальца! Какая-то импровизация, изрядно проигрывающая в сравнении с прецизионной точностью зарафламовских тараканов.

Кугель попытался возразить, но герцог жестом призвал его к молчанию.

— Ты показал нам дыру. Прекрасная дыра! Но чем она лучше любой другой? Почему я должен бросить в нее тысячу терций?

— Данную проблему можно разрешить ко всеобщему удовлетворению, — заметил Кугель. —

Пусть себе Иоло лезет в дыру, дабы убедиться, что его прекрасные сны лежат в каком-то другом месте, и тот же Иоло по возвращении засвидетельствует чудодейственную природу моего экспоната.

— Кто экспонат выставляет, тот его и обследует! — немедленно откликнулся Иоло.

Герцог прекратил последовавшую перепалку, высоко подняв руку.

— Объявляю официальный вердикт! Итак, Кугель должен немедленно войти в представленное им сверхъестественное отверстие в целях поиска имущества Иоло и одновременно тщательного обследования имеющейся там внутренней среды, выполнив это для всеобщей пользы и удовлетворения.

— Но, Ваша Милость! — запротестовал Кугель.

— Как же я могу пролезть в дыру, когда она сплошь заполнена щупальцем?

— Ничего, там вполне достаточно места для худого проворного человека.

— Не стану лгать, Ваша Милость… Я никак не могу спуститься в дыру, ибо испытываю жуткий, непереносимый ужас!

Герцог Орбаль опять задумчиво взглянул на увенчанный четырьмя трубами холм и обратился

к плотному субъекту в неброской бордово-черной униформе:

— Которой воспользуемся на этот раз?

— Рекомендую вторую справа, Ваша Милость, она на три четверти свободна.

— Да, я страшился, но поборол свой страх! — воскликнул Кугель дрожащим голосом. — Я уже готов отправиться на поиски драгоценных снов Иоло!

— Великолепно, — скупо усмехнувшись, промолвил герцог. — И поторопись, а то моему терпению приходит конец.

Кугель робко сунул ногу в дыру (щупальце резко дернулось) и тут же вытащил ее обратно. Герцог обменялся несколькими словами со своим шерифом, тот распорядился доставить лебедку, и с ее помощью щупальце вытянули из дыры на добрых пять ярдов.

— Ну а теперь, — сказал герцог Орбаль, — садись на него верхом и покрепче обхвати руками и ногами.

В полном отчаянии путешественник вскарабкался на страшную конечность, на лебедке отпустили тормоза — и Кугеля вмиг утянуло в дыру.

Вокруг царила почти абсолютная темнота,

однако благодаря какому-то парадоксальному феномену Кугель ощущал окружающий его пейзаж до малейшей детали. Он стоял на обширной плоской поверхности, испещренной складками и морщинами, напоминающими морскую рябь; черная субстанция под его ногами имела губчатую структуру, и в этих крошечных кавернах и туннелях кишело бесчисленное множество почти невидимых точечных огоньков. Горизонта не было и в помине; законы перспективы, равно как местные концепции длины, ширины и высоты оказались безмерно чужды разумению Кугеля.

Единственная деталь оживляла суровую пустоту — бледный, едва заметный диск цвета дождя, тихо плавающий в зените. Вдали (миля? десять миль? сто?) холмообразная масса доминировала над плоской панорамой; приглядевшись, Кугель определил, что это гора студенистой плоти, в которой ворочается некий шаровидный орган, по-видимому, аналогичный глазу. Не менее сотни щупальцев, растущих из основания живой горы, широко раскинулись на черной губчатой поверхности, и одно из них мимо Кугелевой ноги уходило в невидимую дыру и заканчивалось на Земле.

Тут Кугель углядел, что Торба, полная снов, ле-

жит рядом, всего в нескольких шагах, но на этом месте черная губка, поврежденная его же собственным шестом, источает едкую субстанцию, проделавшую в кожаном мешочке основательную дыру. В той же влаге лежали рассыпавшиеся снежинки снов; начав собирать их, Кугель заметил, что сияющие лучи приобрели какие-то сомнительные оттенки, и ощутил зуд и неприятное жжение на кончиках пальцев.

Тут горстка люминесцирующих точек закружилась у его лица, и нежный голос произнес:

— Кугель, драгоценнейший Кугель! Как это мило, как приятно, что ты собрался нас навестить! Как тебе нравится наша милая, приятная Вселенная?

Подскочив, как ужаленный, Кугель завертел головой и узрел невдалеке возлежащее на черной губке некрупное создание, не лишенное, однако, фамильного сходства с гигантской одноглазой тушей. Мерцающие точки окружили его голову, и нежный голос снова зазвучал в ушах:

— Ты пребываешь в недоумении, и совершенно напрасно. Мы передаем наши мысли крошечными квантами, и если посмотришь внимательно, то увидишь, как эти милые крошки анимакуляты поспешно переносят свою информационную

ношу. Да вот и пример, прямо у тебя перед глазами! Это же твоя собственная мысль, в коей ты сомневаешься, вот она и медлит, ожидая твоего решения.

— Я могу говорить вслух? — спросил Кугель. — Это сильно упростит дело.

— Напротив! Звук — это самое ужасное оскорбление, какое только можно вообразить, допускается лишь легчайший шепот.

— Я понял, но…

— Молчи! Анимакуляты, только анимакуляты!

Поднатужившись, Кугель испустил целое облако сияющей пыли:

— Я постараюсь. А теперь скажи, как далеко простирается этот плоский однообразный мир?

— Точно не знаю. Но я часто посылаю свои анимакуляты в дальние экспедиции, и они говорят, что всегда и везде видят одно и то же.

— Герцога Орбаля Омбаликского, поручившего мне собрать информацию об этих местах, несомненно, заинтересуют твои комментарии. А как у вас обстоят дела с ценными субстанциями?

— Кое-что есть. Просцедель и дифаний, изредка попадаются замандеры.

— Моей наиглавнейшей задачей является сбор информации для герцога Орбаля, я также должен

доставить Иоло его Торбу, полную снов. Но хотелось бы запастись и парочкой сувениров, чтобы, глядя на них, вспоминать твое милое, приятное общество.

— Вполне понятное желание! Мне симпатичны твои мотивы.

— В таком случае поведай, как приобрести образчики упомянутых тобой ценных субстанций.

— Нет ничего проще. Отправь анимакуляты принести то, что тебе требуется.

Создание испустило тучу бледной плазмы, которая быстро разлетелась во все стороны и вскоре возвратилась с парой дюжин небольших сферических объектов, вспыхивающих острым голубым огнем.

— Прими же эти замандеры наичистейшей воды вместе с моими искренними комплиментами, — сказал нежный голос.

Кугель достал кисет и бережно уложил самоцветы.

— Какой удобный способ сколотить состояние! Хотелось бы разжиться и толикой дифания.

— К чему пустые слова? Просто прикажи анима-кулятам.

— У нас абсолютно идентичный образ мыслей.

Кугель поспешно изверг несколько сотен

анимакулятов и вскоре уложил в тот же кисет двадцать кубиков драгоценного металла.

— Думаю, здесь найдется место и для просцеделя, — заметил он. — И если тебя не слишком беспокоит моя активность…

— У меня и в мыслях не было вмешиваться в твои дела.

Анимакуляты унеслись с неземной прытью, и вскоре кисет был набит под завязку.

— Тут по меньшей мере половина драгоценностей Ютха, — задумчиво заметило создание. — Но, кажется, он так и не обнаружил пропажи.

— Ютха? Ты имеешь в виду вон того монстра?

— Вот именно. И он столь же суров, сколь и раздражителен.

Гигантский глаз перекатился в сторону Кугеля, выпятился, натянув верхнюю мембрану, и Ютха разразился пульсирующим роем анимакулятов:

— Я прекрасно заметил, что Кугель похитил мои сокровища, чем смертельно оскорбил наше гостеприимство! Во искупление своей вины он обязан выкопать из-под Дрожащих Холмов двадцать два замандера. Он обязан также, просеяв Пыль Веков, отделить от нее восемь фунтов чистого просцеделя. И наконец, он обязан соскрести с Центрального Диска восемь фунтов дифания.

— О лорд Ютха, кара твоя сурова, но справедлива, — анимакулировал Кугель. — Всего одна минута, и я вернусь с надлежащими инструментами!

Подхватив мешочек Иоло, он прыгнул к выходу и, вцепившись в щупальце, громко завопил:

— Эй! Включай лебедку! Я нашел Торбу, полную снов!

Тут щупальце дернулось и сильно вздулось, эффективно заблокировав отверстие. Тогда Кугель обернулся и, сунув пальцы в рот, издал оглушительный свист. Чудовищный глаз закатился, щупальце враз обмякло, и лебедка без труда вытянула его наружу вместе с прилипшим к нему путешественником. Очнувшись, Ютха задергал конечностью с такой силой, что трос лопнул, лебедка полетела кувырком и несколько зрителей получили серьезные травмы. Вдруг щупальце убралось в дыру — и та закрылась без малейшего следа.

Кугель с презрением бросил к ногам Иоло Торбу, полную снов.

— Вот тебе, неблагодарная тварь! Забирай свои дешевые галлюцинации и убирайся прочь! И чтобы я тебя — никогда больше не видел!

Затем Кугель почтительно обратился к герцогу

Орбалю:

— Ваша Милость, счастлив представить вам полный отчет об иной Вселенной. Она представляет собой плоскую местность, по всем данным, бесконечной протяженности, покрытую черной губчатой субстанцией. Не менее четверти неба занимает бледный, едва различимый диск. Что касается ее обитателей, то, во-первых, и по большей части, это Ютха, представляющий собой огромную тушу дурного нрава, а во-вторых, остальные более или менее подобные ему существа. Общаться с помощью звуков не дозволено, а смысл передается при помощи анимакулятов, которые также снабжают владельца всем необходимым для жизни. Такова суть моих открытий, а теперь я убедительно прошу присудить мне главный приз размером в тысячу терций.

За его спиной насмешливо хихикнул Иоло. Герцог Орбаль покачал головой.

— Мой добрый Кугель, это совершенно невозможно. Где твой экспонат? Этот кусок грязи? В нем нет ничего уникального.

— Но вы же сами видели дыру! — страстно вскричал путешественник. — И щупальце тоже! И я вошел в дыру по вашему приказанию и тщательно обследовал местность!

— Все это так, но ведь и щупальце, и дыра исчезли? Я отнюдь не ставлю под сомнение твою честность, но согласись, что твой отчет не так-то легко проверить Я не могу присудить главный приз за сущность столь неосязаемую, как печальное воспоминание о дыре. Боюсь, ты вышел из игры, и теперь приз достанется Зарафламу и его великолепным тараканам.

— Постойте, Ваша Милость! — взволнованно вмешался Иоло — Я тоже участник конкурса и могу наконец предъявить свой экспонат. Взгляните же на образцы, но особо рекомендую отборный продукт — настоящий лакомый кусочек, полученный дистилляцией и возгонкой плененных на заре девичьих грез!

— Что ж, прекрасно, — сказал герцог Орбаль — Я вынесу окончательное решение после того как протестирую твои видения А какова процедура? Я должен прилечь и вздремнуть?

— Совсем не обязательно, ибо поглощение снов в состоянии бодрствования вызывает не галлюцинации, но приятное возбуждение, свежесть духа и изумительную тонкость чувств Но я не вижу причин, почему бы Вашей Милости не устроиться поудобнее. Эй, как вас там, принесите мягкое кресло! А ты сбегай за подушкой! Кто-ни-

будь, помогите Его Милости снять шляпу!

Кугель, не видя более смысла оставаться на виду, отошел подальше от помоста Иоло достал из Торбы свой драгоценный сон и, казалось, на миг был смущен налипшей на него субстанцией. Кугелю, чье зрение явно обострилось после визита в иную Вселенную, почудилось, что контуры объекта обрамлены мрачным тускло-синим сиянием, однако Иоло не предпринял никаких мер предосторожности, лишь потер пальцы, словно они соприкоснулись с чем-то клейким Проделав серию причудливых поклонов и жестов, он вплотную приблизился к удобно расположившемуся в кресле герцогу Орбалю.

— Я подготовлю этот сладкий сон для наилучшего усвоения! Сначала положим по кусочку в каждое ухо, затем по крупинке в ноздри… Вот так! Установим необходимый баланс, поместив еще один кусочек под язык Вашей Милости… Отлично! А засим, ежели Ваша Милость изволит хорошенько расслабиться, то уже через полминуты.

Герцог Орбаль вздрогнул и застыл, судорожно вцепившись в ручки своего кресла. Глаза его выкатились из орбит Внезапно он изогнулся дугой, судорожно всхлипнул, задергался, выпрыгнул из

кресла и на глазах своих изумленных подданных молодецки загарцевал по площади, лихо выделывая игривые вольты и курбеты.

— Кугель! Где Кугель?! — ужасным голосом протрубил Иоло — Где этот мерзавец и негодяй?! Тащите его сюда!!!

Но Кугеля уже и след простыл.